

Война окончилась. Семья Робертса празднует победу над «бошами», торжество американской демократии. Так действительно была воспринята война большинством американского пролетариата. Но она была воспринята так лишь потому, что его классовое самосознание было усыплено и отравлено услужливыми лакеями и апологетами американского капитализма. Долг революционного писателя сорвать маски со всех красноречивых защитников «цивилизации» и «культуры», вскрыть действительные причины войны, показать, против кого в империалистическую войну солдаты должны повернуть винтовки.

Интересно, что, критикуя «На западном фронте без перемен» Ремарка, Гаррисон писал:

Лучше сказать молодежи мира, почему происходят войны, а не только, как они ведутся. Лучше сказать ей о международной конкуренции за нефть, уголь, акции, рынки.

Здесь мы видим разрыв между идеологическими и творческими установками писателя, неумение претворить идеологические высказывания в творчество, которое еще в значительной мере остается на уровне мелкобуржуазного радикализма.

Гаррисон не приемлет капитализма, но протест писателя против капиталистической системы проходит еще под знаком неосознанного бунтарства. Критика Гаррисона — еще в значительной мере критика с позиций мелкобуржуазного радикализма, осуждающая капитализм в некоторых его проявлениях, но не вскрывающая капиталистическую систему в ее основных, решающих противоречиях, не намечающая путей к разрешению этих противоречий. Отсюда — бесперспективность творчества Гаррисона.

Характерен интерес Гаррисона к фигуре гуманиста Дэрроу, биографии которого посвящена его последняя книга. Нет принципиального отличия между Гаррисоном, критикующим с гуманистической точки зрения режим исправительного дома, и Диккенсом, бичевавшим уродливую систему воспитания в Англии. Эта критика с позиций мелкобуржуазного мировоззрения ограничивается лишь обличением социального зла, но не указывает способов борьбы с ним.

«Ребенок родился» кончается бегством Артура из исправительного дома во время пожара.

Он ненавидел остров, он был рад, что он горел, и смутно, неопределенно ненавидел город. Он думал о полицейских, надсмотрщиках, судье, вынесшем ему приговор; Персонс, Финк, одиночная камера, смиренные рубашки — он ненавидел их всех.

И эта ненависть давала ему силы отчаянно бороться с бурлящим потоком. Эта ненависть несла его дальше и дальше.

Эмпиризм, столь характерный для произведений Гаррисона, — болезнь, присущая многим американским радикальным писателям и попутчикам. Элементы эмпиризма мы встречаем у Сивера, Ворс и других.

Без анализа социальных явлений, без связи их со всей системой капитализма и борьбой рабочего класса невозможно создание боевых революционных произведений.

ППС, имеющий общественной идеологической базой рабочую аристократию и мелкую буржуазию, ведет работу прежде всего среди рабочего класса, представляя там интересы крупного капитала. Ее задача проникать по возможности глубже в рабочую массу, деморализовать ее изнутри. Чтобы приобрести доверие рабочей массы, с одной стороны, и не прекращать верной службы делу капитализма — с другой, она должна оперировать фразами, как будто классовыми, как будто выражающими стремление и потребности трудящейся массы, а в то же время лишая эти слова их значения. Ее цель заставить рабочего верить, что с ним говорит марксист, человек с определенной классовой установкой, и при этом сбить этого рабочего с пути марксистского мышления, на который он вступает стихийно. Класс, классовость и борьба классов, социализм, социалистическая идеология, рабочая культура и т. д. — вся эта терминология применяется таким образом, что не только теряет свое значение, а, наоборот, приобретает совершенно противоположный смысл. Разумеется, требуется много усилий, чтобы замаскировать этот маневр.

Само собой, понятно, что такие извращения, а затем их замазывание — труд весьма неблагодарный. Возникают наиболее несоответствия, срывающие всю работу. В связи с этим ППС чувствует себя лучше всего, когда может избежать теоретических выводов и ограничиться перечислением известных терминов, трактуя их как общепонятные и под шумок подсовывая под них буржуазную идеологию. При этих условиях теоретическая литература ППС отличается исключительным убожеством. В культурно-просветительной работе ППС в общем тоже придерживается принципа, что молчание — золото. Несмотря на пятилетнее существование Общества рабочего университета, это учреждение не отважилось на обработку и опубликование мотивированной программы деятельности. Желая узнать просветительную идеологию ППС, мы должны остановиться на двух коротеньких «отчетах» ОРУ¹, изданных в 1929 и 1930 гг., и на работе австрийского социал-демократа Феликса Канитца — «Бойцы завтрашнего дня», изданной в польском переводе Главным управлением ОРУ, снабженной «Предисловием» К. Чапинского и очень расхваленной газетой «Работник».

«Привилегированное избирательное право, — пишет Канитц, — исчезло уже в большинстве стран, и путь к овладению государственной властью средствами демократии открыт. Хотя мы должны остерегаться слепой фетишизации демократии и, наоборот, понимать что буржуазия лишь до тех пор признает демократию, пока она не угрожает ее классовому превосходству, хотя мы должны знать, что демократия в настоящее время является главным образом лишь защитой буржуазии в борьбе против пролетариата, мы должны, однако, уяснить себе, что демокра-

тия дает рабочему классу полную возможность вырвать у буржуазии государственную власть бескровным способом» (разрядка моя.— Ю. Ш.).

Прежде всего надо помнить, конечно не Канитцу, что во многих буржуазных государствах обострение классовых противоречий заставило демократию окончательно сбросить маску, и из-за демократических ширм выглянуло ее настоящее лицо — лицо фашизма.

Но и без этого напоминания содержание вышеприведенной цитаты таково; демократия является главным образом защитой буржуазии в борьбе против пролетариата и в то же время демократия дает пролетариату полную возможность вырвать у буржуазии государственную власть.

Мы должны признать полную справедливость применяемой ШПС тактики молчания в принципиальных вопросах. Поистине молчание — золото, если слово по необходимости — глупость. Но почему же, несмотря на существование демократии, пролетариат не победил до сих пор? Канитц отвечает на это так:

«Демократии до сих пор не удалось вытеснить ни политической, ни тем самым хозяйственной власти буржуазии, потому что политическую власть поддерживает власть духовная, которую буржуазия все еще продолжает осуществлять. Эта духовная власть осуществляется через прессу, традиции, церковь, школу и воспитание».

Отсюда ясно, что, если бы нам удалось отнять у буржуазии эту духовную власть, буржуазия потеряла бы последнюю почву под ногами. И Канитц не видит в этом особой трудности: стоит только как следует поставить культурно-просветительную работу таких учреждений, как ОРУ и Рабочее общество друзей детей. Но прежде всего следует изменить обращение пролетариев со своими детьми. Надо пробудить в детях «чувство солидарности» взамен буржуазного «духа борьбы». По Канитцу, разница между человеком, воспринимающим мир социалистически и воспринимающим его буржуазно, заключается в том, что первый воспринимает «солидарно», а второй «деспотически».

«Есть же сотни тысяч людей, с членским билетом социалистической партии в кармане, они даже ценные партийные или профсоюзные работники, но в глубине души — автократы, люди, не знающие чувства солидарности... Им не хватает социалистического воспитания».

Канитц не отвечает на вопрос, чем именно они ценны, как партийные или профсоюзные работники, раз у них нет основного — социалистического воспитания.

А в чем состоит социалистическое воспитание? Канитц дает точный ответ. Но не думай, читатель, что в нем идет речь о вовлечении детей и молодежи в классовую борьбу, о пробуждении в них чувства солидарности с пролетариатом, о ненависти к капитализму и его преступлениям. Канитц ставит вопрос в совершенно иной плоскости. Он говорит: «Социалистическое воспитание — это отказ взрослого поколения от возмездия детям». Поясняя эту фразу, он пишет:

«Взрослые пролетарии никоим образом не должны притеснять своих детей. Не должны давать им почувствовать, что дети слабее их, что они во всех отношениях зависят от них, должны обращаться с ними так же, как со взрослыми. Социалисты не должны доволствоваться лишь упреками по адресу капиталистов в угнетении более слабого в экономическом отношении пролетариата, они должны, наконец, начать упрекать самих себя за угнетение детей, более слабых, чем они. И так же, как они борются с капитализмом в экономической и политической жизни, так же они должны побороть его в себе самих. Надо побороть в себе все то, что толкает к угнетению собственных детей таким же образом, как взрослых угнетает капитализм».

Мы имеем уже перед собой целую программу Канитца. Ее можно охарактеризовать так: несмотря на демократический строй, буржуазная власть все еще держится, потому что буржуазия обладает «духовной властью». Эту духовную власть мы свергнем тогда, когда воспитаем своих детей «солидарными» людьми, чего достигнем благодаря «отказу от возмездия детям» (1).

На опровержение этой изумительной теории жалко времени. Достаточно ее показать. Это яркий пример подтасовки хорошо известных рабочим марксистских терминов, придание им не только другого, но прямо противоположного обычному значения. В данном случае социалистическим воспитанием названа какая-то нелепая толстовско-либеральная утопия.

Несомненно, что авторы таких рецептов не могут не знать, что рекомендуют нечто, совершенно не отвечающее действительности. И все же они утверждают это. Утверждают совершенно для того, чтобы создать неясность, чтобы из такой простой и очень понятной вещи, как воспитание детей и молодежи в солидарности с борющимся рабочим классом и в ненависти к капитализму, сделать вполне сознательную глупость: будто социалистическое воспитание — это «отказ взрослого поколения от возмездия детям».

Канитц довольно много говорит о классовости, о воспитании в детях классового сознания, но, по Канитцу, классовость вовсе не заключается в выработке классовый пролетарской солидарности в противовес провозглашенной буржуазией лживой общечеловеческой солидарности, но именно в повторении за буржуазией наиболее типичных положений солидаризма. Для того, чтобы протащить контрабандой этот солидаризм в рабочие умы, Канитц жлет, что буржуазия в прессе, школах и церквях пропагандировала борьбу всех против всех, будто бы она явно провозглашала принцип беспощадного эгоизма. Мы хорошо знаем, что именно буржуазия велит своим проповедникам рассуждать об охватывающей все общество любви к ближнему, а солидаризм, т. е. лозунг всечеловеческой надклассовой солидарности, — официальная доктрина фашизма. Рекомендую воспитывать в детях чувство солидарности. Канитц, надувая рабочих, называет этот солидаризм классовым.

Канитц-педагог допускает первомайскую манифестацию, но какое придает он ей значение!

Вот как он советует вовлекать детей в майские торжества:

«Устройте так, чтобы канун 1 Мая стал семейным праздником, украшенным, поскольку возможно, вкусным ужином и хотя бы небольшими подарками».

Разве это не замечательно тропательная идея? Первое мая, день столь ненавистный для буржуазии, превратить в нечто вроде социалистической елки, после которой бывает шествие с красными флагами под любезной охраной буржуазной полиции.

Как же буржуазии не любить таких милых социалистов?

Не менее знаменательна позиция Канитца в отношении религии.

Как и подобает представителю II Интернационала, он усиленно подчеркивает разграничение между религией и вероисповеданием и питая глубокое уважение к религии, порицает вероисповедание.

«Религия — установка человеческих чувств к неисследованному, это может быть вера в какую-то высшую, направляющую силу, в предопределение, в последнюю инстанцию, следовательно в бога, в высшее существо, находящееся за пределами нашего разума и не поддающееся ни нашему обсуждению, ни научному исследованию. Однако это может быть также полная глубочайшего преклонения боязнь неисследованного, трепет и чувство ответственности перед этим неисследованным, т. е. перед богом. Поэтому, когда бедная женщина молится о муже, которому грозит опасность, или когда крестьянин просит бога, чтобы град не побил его хлеба, — это религия: религия проявляется также в том, когда ученый не удовлетворяется выводами, к которым он пришел путем разумных умозаключений, а стремится к гармонической целостности представления о мире».

«Установка человеческих чувств к неисследованному» может быть двух родов: религиозная, т. е. ненаучная, пассивная, основанная на предрассудках, или научная — активная, сознательная, следовательно антирелигиозная. Если кто-нибудь молится неисследованному, становится перед ним на колени, просит о милости, боится, чувствует себя перед ним «ответственным», считает его «самой высшей инстанцией», богом, «высшим существом», то мы имеем дело с убежденным религиозником, независимо от того, организована его религиозность вероисповеданием или нет. Если же это таинственное и неисследованное является для него лишь материалом для достижения, неизвестным в уравнении, которое надо решить, незнакомой землей, в отношении которой он несколько не чувствует себя ответственным, но которую обязательно стремится открыть, — то мы имеем дело с человеком, способным продуктивно мыслить научно, которому религия как невероисповедная, так и вероисповедная может только мешать.

Бедная женщина, молящаяся о муже, или крестьянин, молящийся о погоде, — это представители прослойки, задержанной в развитии планомерно проводимой привилегированными классами многовековой борьбой, это несчастные жертвы этой борьбы. «Социалист» Канитц вместо того, чтобы вскрыть преступную дея-

тельность буржуазии, которая довела их до такого состояния, снимает шляпу перед их убожеством, преклоняется перед ним как перед положительным человеческим свойством. Тем самым он одобряет и пропагандирует всю ту систему воспитания масс, которая пытается задержать их развитие, калечит их умственно, искусственно задерживает на уровне австралийца, приносящего жертву фетишу. Если ученый ищет «гармонической целостности своего представления о мире» не методом точных научных умозаключений, а путем религиозных откровений, то он или не заслуживает больше серьезного к себе отношения и опускается до уровня дамочки, декламирующей о прелестях общения с бесконечностью, или же его следует считать шарлатаном.

Так называемая невероисповедная религия тем отличается от вероисповедной, что она не так точно сформулирована, что она — свободный комплекс предрассудков, распространенных в определенных слоях буржуазной интеллигенции.

Но болтовня социал-демократов о невероисповедной религии отнюдь не является только глупостью. Это один из способов контрабандного протаскивания буржуазной идеологии в рабочую среду. Безвероисповедность религии должна в данном случае служить ключом, чтобы открыть им дверь ненавистному для пролетариата клерикализму. Если рабочий будет питать уважение к молитве мужика о погоде, то почему же ему не питать также уважения к ксендзу, который за деньги этого мужика помолится о погоде?

Но довольно о Канитце. Взглянем на идеологию ОРУ, изложенную в «тезисах» К. Чапинского («Отчет ОРУ», Варшава, 1930).

Польская буржуазия больше австрийской страшится даже слов, свойственных марксистам, поэтому г. Чапинский, формулируя «тезисы» для ОРУ, избегает таких выражений, как классовость, борьба классов и т. п.

Понятно само собой, что о каком-либо сопротивлении буржуазному просвещению, о борьбе с распространяемыми в школах религиозными и националистическими предрассудками, о критике преподавания в школах истории, о критике политической агитации, которую проводит в школе буржуазия, ОРУ даже не думает. Наоборот, он

«занимается прежде всего внешкольным образованием, дополняя работу школы».

Цель этой деятельности должна быть подготовка трудящихся к большой творческой роли в государстве в рамках демократии».

В рамках демократии — это значит в рамках капиталистического строя. «Творческая» же роль в этих рамках только одна — покорная служба на пользу капитализма.

Явно буржуазная организация не иначе определила бы задачи своей просветительной деятельности. То есть — это «дополнение» того, что делает буржуазная школа, полностью идущее по линии буржуазной политики.

Если бы г. Чапинский прямо сказал это рабочим, ОРУ потерял бы рабочую клиентуру и тем самым потерял бы ценность для буржуазии. Поэтому г. Чапинский заявляет рабочим, что ОРУ действует на почве «социалистической идеологии». Он предусмотрительно не опре-

делает ни одним словом, в чем заключается социалистичность этой идеологии. Из его же собственных слов мы видим, что это идеология буржуазная, только называемая социалистической. «Тезисы» так определяют эту идеологию:

«ОРУ связан не только с польским социалистическим творчеством, но также и с работами крупных прогрессивных педагогов и мыслителей Польши, как Коллонтай, Сташиц, Снядецкий, Трентовский и т. д.»¹.

Не только не упомянуты Маркс и Энгельс, но даже не указано ни одного имени из рядов деятелей польского социалистического творчества, зато старательно перечислены польские буржуазные деятели.

Словом, для пролетариата — лишены смысла слова: «социалистической идеологии», для раздающих же субсидии буржуазных властей — декларация капиталистической лояльности со ссылкой на тех же духовных вождей нарождающейся польской буржуазии, имена которых служат фашистам для одурачивания трудящихся масс.

Канитц, имеющий дело с более требовательными в отношении теории рабочими, высказывается против так называемой «нейтральности», или независимости, в вопросах просвещения и утверждает, что эта нейтральность служит только для маскировки буржуазной идеологии. Стараясь, как и Чапинский, отразить рабочих буржуазной идеологией, он убеждает их, что его выводы отнюдь не «нейтральны», или «независимы», а что они «классовые», что они «рабочие». Чапинский полагает, что польских рабочих можно обманывать и без таких искусных приемов и, уже полностью применяя буржуазную фразеологию, призывает трудящихся

«сыграть в области культуры решающую роль, пропагандируя независимую польскую мысль и создавая базу независимой культуры».

¹ Писатели XVIII века, в большинстве духовные лица.

Думаю, этих цитат достаточно, чтобы убедить читателя, что идеология культурно-просветительной работы ППС не имеет ничего общего с идеологией рабочего класса.

О характере деятельности ОРУ красноречиво говорят также капиталы, на которых это общество базируется. Денежный отчет опубликован только за 1929 г. Если в этом отчете мы отбросим балансирующиеся суммы, дающие перевес в сторону расходов, как, например доход с лекций, курсов, библиотек и т. д., суммы, которые потому только остались выделенными в рубрику доходов, чтобы получить большую общую сумму баланса, останутся следующие статьи дохода:

Налог	7 604 зл.
Пожертвования	1 648 зл.
Сбор 1 мая	1 599 зл.
Пособия государственные, коммунальные и др.	32 450 зл.
	<hr/>
	43 337 зл.

Из общей суммы в 43 тысячи дохода пособия государственные и коммунальные, т. е. в политическом отношении буржуазные, составляют 32 тысячи, т. е. почти 75% всех доходов. В действительности этот процент значительно больше, так как весьма сомнительно, чтобы «пожертвования» носили пролетарский характер, и потому, что условием для получения государственных субсидий служит обычно указание определенного минимума собственных доходов.

Все это неопровержимо доказывает, что ОРУ ничего не делает в области классового просвещения пролетариата, в области укрепления пролетарских позиций в классовой борьбе, а как раз наоборот: является организацией, помогающей буржуазии отравлять своим влиянием возможно более широкие массы трудящихся.

Поэтому борьба с ОРУ — очень важная задача пролетарской культурно-просветительной работы в Польше.

Ю. Шиманский